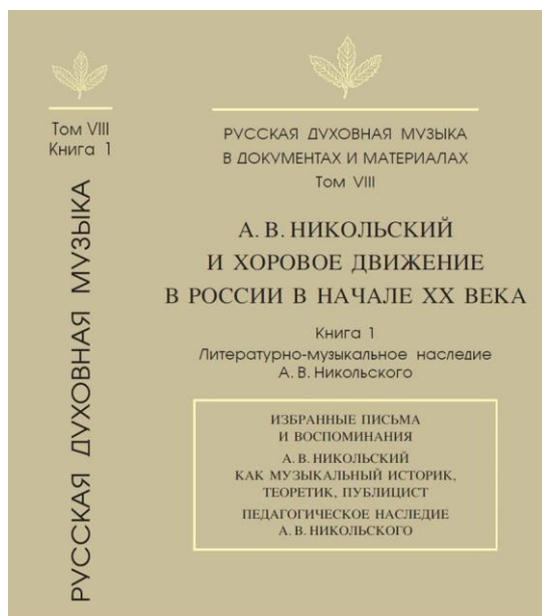

Светлана Зверева

Церковно-певческие съезды в Императорской России

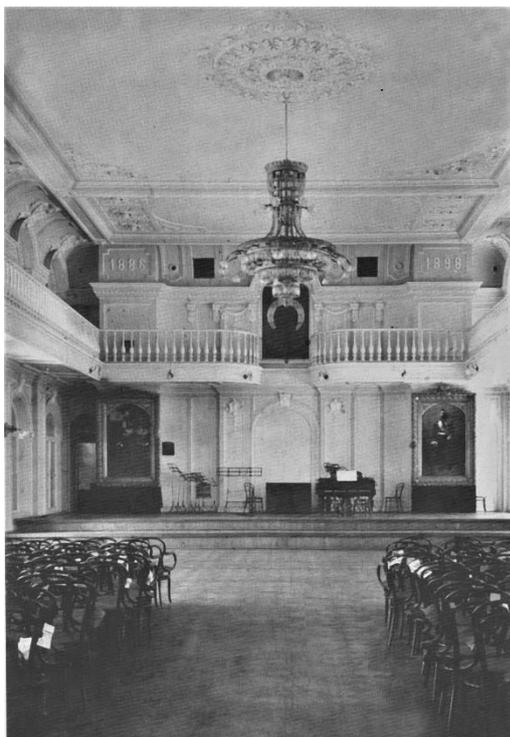
Хоровое движение, развернувшееся в Императорской России в последние десятилетия ее истории, привлекает пристальное внимание всех, кто так или иначе связан с русским церковным пением. В настоящее время в Москве, в Государственном институте искусствознания группой исследователей, в которую входит и автор этих строк, подготавливается к изданию очередная книга многотомного проекта «Русская духовная музыка в документах и материалах» (сокращенно – РДМ). В нее войдут материалы Всероссийских церковно-певческих съездов, а также источники, отражающие деятельность церковно-певческих обществ и курсов. Представляемая ниже статья возникла в процессе подготовки этой книги.

Серия «Русская духовная музыка в документах и материалах», первый том которой вышел в свет в 1998 году, является обширной хрестоматией научно аннотированных первоисточников, освещающих историю русского церковного пения второй половины XIX – XX веков. Последняя по времени книга серии, озаглавленная «А.В. Никольский и хоровое движение в России в начале XX века», вышла из печати в начале 2018 года.

* * *

© pastvu.com/62626 uploaded by Architector5

17 июня 1908 года в Москве в здании Московского Синодального училища церковного пения¹ состоялся Первый всероссийский съезд регентов церковных хоров и деятелей по церковному пению, собравший около 200 делегатов. Участниками съезда являлись регенты, певчие, хоросодержатели, авторы духовной музыки, публицисты, учителя, историки церковного пения, представители духовенства.

Устройством съезда занималось правление Общества взаимопомощи регентов церковных хоров, а наиболее пристально – духовные композиторы А.В. Никольский и священник Д.В. Аллеманов, регенты и хоросодержатели А.П. Архангельский и Л.С. Васильев. В силу того, что многие регенты из провинции не располагали достаточными средствами для размещения в Москве (делегаты прибыли из Новочеркасска,

Тифлиса, Астрахани, Томска, Благовещенска, Баку, Дагестанской области и многих других мест), начальство Синодального училища разрешило им жить в классах училища. Для общих заседаний был предоставлен училищный зал.

Первый съезд подготавливался около года; его инициаторы предполагали «воспользоваться съездом, как самым действительным средством узнать и нужды регентские, и пути к их удовлетворению». Предварительная программа включала четыре темы: 1) о «желательном направлении» русского церковного пения, 2) о

¹ Ныне в здании находится Второй корпус Московской консерватории (улица Большая Никитская, дом 11).

регентском образовании, учреждении регентского училища и летних регентских курсов, 3) о правах регентов как членов церковного причта, 4) об Обществе взаимопомощи регентов церковных хоров. Однако третий пункт был снят с повестки по распоряжению церковных властей как не подлежащий «компетенции членов Съезда».

Одним из главных вдохновителей созыва съезда был видный педагог и знаток церковного пения С.В. Смоленский. Как писал А.В. Никольский: «Степан Васильевич <...> убежденно говорил всегда и постоянно, что нельзя одного года пропустить без съезда, что необходимо всеми силами стремиться к устройству их каждое лето. Съезды, по его взгляду, суть не только показатели существования в русской певческой среде серьезных и вполне назревших нужд, но в то же время и единственное средство к возможному их разрешению. <...> Вообще без съездов мы, говаривал не раз Степан Васильевич, стадо разобщенное и потому бессильное сделать что-либо нужное. Жизнь выдвинула ряд вопросов крайней важности и принципиального характера, и обыденно-жизненного, она властно требует ответа, а дать последний мы можем только сообща»².

Бедность и бесправие трудившихся на церковно-певческом поприще музыкантов была главной темой тех дискуссий, которые развернулись в профессиональной среде еще задолго до съезда. «Стать уважаемыми работниками отечественной культуры», «стать образованными интеллигентными людьми», «стать полноправными членами церковного клира» — эти и им подобные лозунги звучали на собраниях регентов и певчих в начале века по всей России.

17 октября 1905 года страна вступила на конституционный путь. Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший основные права и свободы (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов), содействовал возникновению и легализации не только различных политических партий, но и возрастанию количества профессиональных объединений.

В 1906 году в стране начала действовать Государственная Дума, первый созыв которой заседал с 27 апреля по 8 июня 1906 года. И хотя избирательное право распространялось далеко не на все население (его были лишены женщины и некоторые категории мужчин), в Думе были представлены практически все сословия страны. Таким образом, у граждан Империи появилась надежда донести свои просьбы до высших органов власти и самого государя.

До Государственной Думы пытались «достучаться» и церковные музыканты. В частности, был подготовлен материал о запрещении детского певческого труда в церкви³. Вносились в Думу и более экзотические проекты, например, о введении «перстобряцательных» библейских музыкальных инструментов в православное богослужение. (Доклад на эту тему был направлен в III Государственную Думу в 1908 году, однако ему не был дан ход.)

² Никольский А.В. С.В. Смоленский и регентские съезды // РДМ Т VIII. Кн. 1: А.В. Никольский и хоровое движение в России в начале XX века. Литературно-музыкальное наследие А.В. Никольского / Науч. ред. С.Г. Зверева. Подгот. текста, вступ. ст., коммент. С.Г. Зверевой, А.В. Лебедевой-Емелиной, Н.А. Потемкиной. М., ЯСК, 2017. С. 540.

³ Музыкальный труженик. 1906/1907. № 16. С. 5-6.

Энтузиастом идеи был продвигавший ее повсеместно В.В. Надин-Уваров, в конце концов заставивший выслушать себя даже членов Поместного Собора.

Хоровые музыканты оказались самой активной и сплоченной частью музыкального сообщества: с июня 1908 года по май 1917 года им удалось провести шесть профессиональных съездов всероссийского масштаба. Пять из них (1908, 1909, 1910, 1912 и 1917 годов) прошли в Москве. (Местом проведения первого, второго, четвертого и шестого съездов стало Московское Синодальное училище церковного пения.) И лишь один съезд, пятый по счету, состоялся в Петербурге в июне 1914 года. Съезды собирались в летнее время и длились от трех дней до недели. Численность участников колебалась от 65-ти до 345-ти человек. Съездам сопутствовали хоровые концерты.

Порядок работы этих профессиональных форумов был схожим. В первый день служили благодарственный молебен, открытым голосованием избирался председатель, его помощники, секретари, а также почетный председатель. После речи ответственного лица по созыву съезда зачитывались приветственные речи и телеграммы. Далее в течение нескольких дней на общих заседаниях и на заседаниях комиссий зачитывались и обсуждались доклады, по которым выносились резолюции, утверждавшиеся простым голосованием. Докладчики и темы докладов подбирались заранее. Для практического осуществления решений съездов, для выработки уставов, программ, публикации материалов съездов и, наконец, для контактов с министерствами и другими организациями избиралась специальная комиссия. Открытие и закрытие съездов проходило в присутствии представителей церковных и светских властей.

* * *

Как было сказано выше, социальная повестка, столь актуальная для церковно-певческой среды, на первом съезде не стояла. Зато подробно обсуждались темы профессионального характера, в том числе творчество композиторов Нового направления, которое вызывало в церковной среде «столько же восторга, сколько и недоумения, растерянности и даже открытой вражды и отрицания». Напомним, что к Новому направлению, зародившемуся в 1890-х годах, принадлежали такие видные духовные композиторы, как А.Д. Кастальский, П.Г. Чесноков, А.Т. Гречанинов и ряд других. Идеологом и главным инициатором направления был С.В. Смоленский, в то время служивший директором Московского Синодального училища. Примкнувшие к нему музыканты исповедовали ставшую в то время популярной идею «возвращения к национальным истокам»: старинные церковные роспевы и народная песня были подняты на щит как источник национального духа и музыкального языка. Однако, приход в духовно-музыкальную область профессиональных композиторов повлек за собой раздвижение границ художественной свободы и увеличение трудности хоровых партитур. Главным образом это и вызывало негативное восприятие музыки направления в церковной среде и бурную полемику.

Однако общие критерии «желательного репертуара» все же вырисовывались. Так, протоиерей Металлов, известный своей критикой в отношении музыки Нового направления и поисками «строного стиля», пишет, что «правильное» церковное пение должно быть 1) церковно, 2) национально, 3) художественно⁴. Передовой композитор Нового направления К.Н. Шведов на Первом регентском съезде повторяет ту же

⁴ Металлов В.М. Церковное пение в России в его прошлом и настоящем (По книге кн. Юсупова и по поводу ея) // Вера и церковь. 1901. Кн. 7. С. 285-315.

триаду – но только в другом порядке: 1) художественность, 2) церковность 3) народность (национализм). Как полагал Шведов, русское православие является национальным вероисповеданием, соответственно, национальным характером должно отличаться и русское православное церковное пение. И хотя представление о «национальном» характере музыки было столь же расплывчато, как и представление о двух других качествах, все они чаще иных других назывались при определении критериев «желательной» русской духовной музыки.

Наслушавшись на съезде критики «плаксиво-сентиментального» и «мелодраматичного» наследия композиторов эпохи классицизма (Бортнянского, Веделя и других), «устаревшей, но искренней» музыки Турчанинова и «грамотных, но рассудочных» композиций Львова протоиерей Лисицын в своем докладе на Первом регентском съезде резюмировал дискуссию: «Пусть остаются старые стволы, не мешая развиваться новым побегам и новым ветвям»⁵. О том, какие произведения надлежит исполнять хорам, каково место в церковно-певческом репертуаре занимают произведения Нового направления, высказал свое взвешенное мнение на том же съезде регент и педагог Е.М. Витошинский: «Регент, как культурный работник, должен понимать, что он несет ответственность за правильное, без скачков, развитие художественных вкусов у народа. Правильным оно сможет быть только тогда, когда народ весь, во всей массе, а не только в интеллигентной своей части, воспримет и запечатлеет в своем духе все особенности художественного развития предшествующих эпох. Нужно всем пройти тот путь, который мы прошли, подготовленные теперь слушать произведения новой школы. Я думаю, что Съезд будет проводить на местах все те произведения, которые носят на себе печать бессмертия, в городах же регент может и в силах исполнять произведения Нового направления»⁶.

Весь дальнейший ход истории церковного пения показал разумность такого подхода: каждый талантливый, проникнутый религиозным чувством памятник той или иной эпохи достоин того, чтобы звучать в церкви. Это напоминает ситуацию с иконописным убранством храма, когда в его пространстве находят свое достойное место намоленные иконы разных времен.

На съезде был также поднят тесно связанный с общей проблемой церковно-певческого репертуара вопрос о значении осмогласных роспевов в церковном богослужении⁷. Осмогласное наследие виделось краеугольным камнем русского церковного пения, однако разнообразие разновидностей роспевов вызывало вопрос о «правильных» и «неправильных» вариантах.

Звучали на съезде и дискуссии о влиянии на церковное пение народной песни. Дело в том, что в концепции Нового направления и народная песня, и церковное песнопение рассматривались как явления, выражающие душу народа. У некоторых композиторов пиетет перед народной песней имел реальное продолжение в духовно-музыкальном творчестве. Мысль ряда докладчиков сводилась к тому, что «храм – не улица», и народным мотивам в нем не место. И хотя, казалось бы, с высказанными

⁵ Труды Первого Всероссийского съезда регентов церковных хоров и деятелей по церковному пению. 17-21 июня 1908 года. Готовится к публикации в составе 2-й книги VIII тома РДМ.

⁶ Там же.

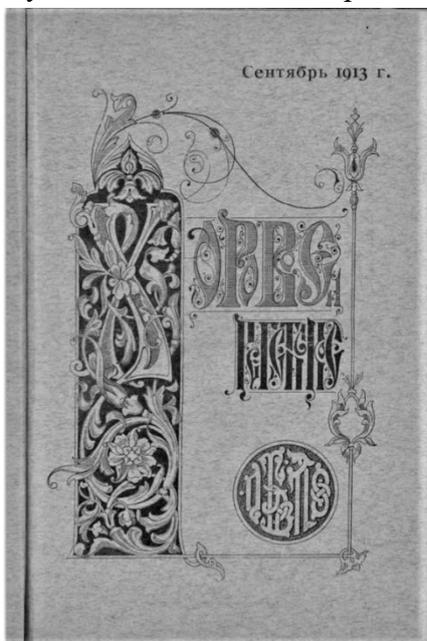
⁷ Речь шла о мелодических образцах, разделенных на восемь групп – «гласов» (отсюда название «осмогласие»), в совокупности образующих «столп». Каждой неделе церковного года был присущ свой конкретный «глас». Начиная с 1 сентября, весь «столп» многократно повторялся в течение церковного года. Каждому виду песнопений (стихирам, ирмосам, тропарям и прокимнам) был присущ свой свод (т.е. «столп») из восьми мелодических образцов.

положениями трудно было спорить, обсуждение значения осмогласия в церковном пении, как и влияния на него народной песни, красной нитью будет проходить через все хоровые съезды.

* * *

Обсуждение репертуара соседствовало с обсуждением развития церковно-певческого образования – причем не только регентов, но и духовенства. Как высказался участник съезда Г.А. Соколов, «многие отцы протоиереи даже в Москве не допускают “Верую” Чайковского, а требуют “лодочек”, “малиновок” и так далее. В провинции еще хуже»⁸. Нужно иметь в виду, что к началу XX века эталон музыкального образования возрос, появились более высокие критерии музыкальной образованности. Несмотря на то, что в столицах действовали несколько регентских школ и курсов при музыкальных училищах Императорского Русского музыкального общества, нужда в образовании была очень велика. Как говорил Никольский, «учиться регенту негде; по крайней мере, негде готовиться к своей профессии по программе, целиком соответствующей всем особенностям церковно-певческого дела. Воспользоваться же теми учреждениями, которые дают общее музыкальное образованием, также и тем немногим, что по части регентского дела существует у нас в России, – подавляющее большинство регентов не может или по невероятной дальности расстояния, или по дороговизне жизни в больших городах, или же, наконец, в силу материальной необеспеченности вообще»⁹.

Произнесший эти слова Никольский имел в виду в первую очередь систематическое фундаментальное образование, получение которого сопровождалось выдачей регентам дипломов и наделением их социальными правами. Как не состоящие на государственной службе, они не располагали пенсией по старости. Соответственно, пункт о том, что регентам надлежит добиваться присвоения им статуса государственной службы, был занесен в резолюцию съезда.

Первый съезд дал толчок к осуществлению давней мечты хоровых музыкантов – изданию журнала «Хоровое и регентское дело», целью которого, как значится в первом же его номере, было «повышение культурно-музыкального уровня певцов, регентов и учителей церковного хорового пения и, как следствие этого, повышение, художественного воспитания масс и развитие самого искусства хорового пения»¹⁰. Уже в следующем году первый номер «Хорового и регентского дела» увидел свет в Петербурге. Редактором его стал ученик Смоленского П.А. Петров-Бояринов; самое живое участие приняли хоровые музыканты из разных городов и даже стран. Помимо 12-ти номеров журнала в год подписчики также получили шесть номеров музыкальных приложений в виде церковных и светских композиций современных

⁸ Труды Первого Всероссийского съезда регентов церковных хоров и деятелей по церковному пению. 17-21 июня 1908 года.

⁹ Труды Первого Всероссийского съезда регентов церковных хоров и деятелей по церковному пению. 17-21 июня 1908 года.

¹⁰ Хоровое и регентское дело. 1909. №. 1. С. 2.

авторов. Ближайшее участие в журнале принимал С.В. Смоленский, благодаря связям которого это издание, по всей видимости, и удалось осуществить. «Хоровое и регентское дело» вошло в историю как в высшей степени содержательное и при этом единственное периодическое издание, посвященное хоровому искусству.

Круг вопросов, обсуждавшийся на последующих съездах, был схож с тем, что обсуждался на первом съезде, однако появились и новые аспекты, например, о введении в церквах общенародного пения. Был конкретизирован школьный хоровой репертуар: его основу должны были составлять древне-церковные роспевы, народная песня, а также лучшие образцы «художественной музыки» – как русской, так и иностранной. Обсуждались социальная роль хорового пения, авторский сбор с исполнения духовной музыки в церквах, организация во время съездов выставок изданий хоровых произведений и учебников по хоровому пению. При обсуждении темы труда детей-певчих поступило предложение освободить их от участия в похоронных процессиях, дабы не травмировать детскую психику и не подвергать риску их здоровье.

В качестве причины некачественного пения в церквах называлось отсутствие печатных нот, которые церковные хоры из-за дороговизны не могли приобрести, а потому употребляли рукописные копии, изобилующие ошибками. Поднимался и вопрос о нехватке музыкально-педагогической литературы, а также нот для школьного пения.

* * *

Февральские события 1917 года вызвали большое брожение в церковной жизни. Создание на демократических началах новых общественных и профессиональных объединений, проведение съездов и собраний, в том числе в синодальном ведомстве, стало характерной чертой времени. Так, в Москве образовался союз дьяконов и псаломщиков, видевших главную цель своего объединения в борьбе с архиерейской властью; 14 марта было организовано общество духовных певцов и певиц Москвы, обсуждавшее меры свержения власти хоросодержателей.

В такой атмосфере 23-26 мая 1917 года в Москве прошел Шестой всероссийский съезд хоровых деятелей. В течение четырех дней состоялось шесть заседаний, а также выступления крестьянского хора М.К. Пятницкого и Синодального хора. Главные темы, поднятые делегатами, уже звучали ранее на съездах и в печати. Новым было организационное предложение о создании при епархиях регентских советов из 3-5-ти лиц, которые должны были ежегодно переизбираться самими же регентами. Эти советы должны были следить за правильным направлением развития пения в епархиях и помогать другим хорам. Рекомендации по хоровой литературе должна была давать специально созданная для этих целей комиссия при Синодальном училище церковного пения.

Принципиальное значение имел зачитанный на съезде доклад А.В. Никольского «Русские регенты и церковный устав»¹¹, в котором доказывалась необходимость глубокого изучения регентами церковного устава, без чего немислима правильная интерпретация церковных песнопений. Как говорил Никольский, «изучение Типикона дает регенту понимание и знание идеи богослужения. Но не это одно. Изучение приведет его к пониманию и отдельных служб, и их моментов, что дает в конечном итоге указание и тех путей, какими можно дойти до воплощения основной идеи всего богослужения. Правильный взгляд на то, в каком виде существовала когда-то та или иная подробность данного богослужения, почему и как она приобрела тот облик, в

¹¹ РДМ. Т. VIII. Кн. 1. С. 644-658.

котором является теперь, — послужит к исправлению многих уклонений или, по крайней мере, неточностей, сплошь и рядом допускаемых на практике»¹². Если на Первом регентском съезде Никольский уподоблял хор симфоническому оркестру и призывал церковных музыкантов «подтягиваться» до сложных партитур Нового направления, то в докладе 1917 года он уже призывал искать компромисс.

Хотя решения церковно-певческих съездов и не имели юридической силы, они отражали и формировали общественное мнение и определяли круг основополагающих для судеб церковного пения вопросов. Почти все темы, которые обсуждались на этих съездах, а также на страницах газет и журналов, в той или иной мере найдут отражение в дискуссиях о церковном пении, которые в 1917—1918 годах развернутся на Поместном Соборе Российской Православной Церкви.

¹² Там же. С. 647.